

ПОДСНЕЖНИК

Кто подснежников не видел? Но можно прожить всю жизнь на Волге и быть уверенным, что они голубые. А для сибиряка они – фиолетовые. Для норильчанина – красно-белые.

Не верите, что в Норильске подснежники растут?

Напрасно! Травы на газонах нет, это правда. А подснежников – заросли. Когда в мае сходит снег, весь асфальт возле общаг завален треугольными упаковками из-под молока. Были такие пирамидки из непромокаемого картона ёмкостью в один литр. Белые с красными буквами, очень впечатляюще выглядели на сером фоне. А зима в Норильске долгая, так что цветники собирались очень даже густые.

Но имелся ещё один вид подснежников. Профессионального спорта, как и проституции, у нас не было. Утомлять спортсменов работой власти почему-то боялись. Но без зарплаты не проживёшь. Вот и числились они кто слесарем, кто – шофёром, кто – аппаратчиком...

Нет, не партаппаратчиком, туда молодых не допускали. Аппаратчиком химического производства, например. Там, между прочим, над-

бавки за вредность положены и бесплатное молоко. Посылать за ним свою родню спортсмены, мне кажется, стеснялись. А когда талоны на водку ввели – другие ставки и приличия другие. Хабаровские ребята рассказывали, что папаша хоккеиста Могильного получал. Сынок дезертировал из ЦСКА и прятался от трибунала в Канаде, а хабаровская прописка оставалась. Значит, всё по закону. Распишись в жилконторе за талоны и войй с рапроклятым зельем за себя и за того парня. Может, и завистники выдумали. А может, и...

Всякое может быть.

В Белове, помню, поселили в двухместный номер. Вечером приходит сосед с бутылкой. Выпили, разговорились. Парень на какой-то турнир по хоккею с мячом приехал. Молодцу тридцать второй годик шёл, а он ещё ни дня не работал. Со школы в подснежниках числился. Летом – футбол, зимой – хоккей. И всего-навсего – перворазрядник. Не мастер даже. Пацаном два сезона поиграл за «Кузбасс», отчислили за нарушение режима. А потом... то за одну шахту, то за другую голы забивал. С горняками не сыграешься, можно и в заводскую команду перейти –

район-то индустриальный, и каждому заводишке нужны парни, способные их честь защитить. Я на бутылку кивнул. Отмахнулся: «Пока не мешает, — говорит, — русский хоккей — игра весёлая, на свежем воздухе, на морозе сто грамм не повредят, только удали прибавят».

Так ведь не только спортсменам, даже родителям их от этих щедрот перепало. Не сказать, что чистыми подснежниками были, но тоже цвели. Не так ярко и не совсем под снегом, на работу приходили не только зарплату получать, а пять раз в неделю, как обычные труженики.

Мальчишка из нашего города на «Кожаном мяче» звезданул. Питерцы вундеркинда заметили и быстренько оформили в спортивный интернат. А поскольку ребёнок несовершеннолетний, пришлось отца в нагрузку брать, угол предоставлять и рабочее место. Три или четыре сезона отыграл парень за «Зенит», потом перешёл в «Торпедо». Сытным калачом переманили, может, и не сыгрался. Разное поговаривали. Короче, вали волку на холку, серый всё вывезет. Дело в другом. Взросленьким стал. В Москву уже без родителя поехал.

Папаша вернулся в родной город. И наш начальник взял его к себе. Слава — штука соблазнительная. Даже чужая греет. Ей и поделиться не жалко. Начальник собрал конторских и торжественно представил нового работника. Напомнил о достижениях его сына. Коллективу приятно. Все, конечно, понимают, что проку от специалиста никакого. Так не впервой же. Без балласта не получается. Зато благодаря ему вроде как и к неведомым высотам поближе. Каждый вправе сказать: я, мол, с папашей центрального нападающего из «Торпедо» в одной конторе работаю. Команда в те времена в середнячках болталась. Но «Торпедо» есть «Торпедо»! В нём сам Стрельцов когда-то играл. Кстати, под тем же номером.

Желающих покрутиться возле знаменитости всегда хватает. Они как мухи над кучей варенья. Да и просто любопытных пруд пруди.

Заманили папашу в шашлычную. Водочку он позволял, но не курил — здоровье сына с детства берёт. Наши благородному примеру не последовали, но оценили. Герой один, а вопросов тьма. Те, кто попроще и на имена падкие: «Видел ли живого Федю Черенкова? Видел ли Блохина? Что там про Эдика говорят, правда ли, что это дочка турецкого дипломата к нему в постель залезла, или динамовцы специальную девицу по-

дослали, чтобы потом изнасилование пришить?» Кто-то вспомнил, что и про дочку Фурцевой поговаривали. Сплетен много, но проверить-то хочется. Вдруг какая-нибудь правдой окажется.

А что он мог прояснить? На той злосчастной даче его не было. А врать не стал. Молодец!

Про заработки, конечно, спрашивали. Как же без этого. Думали, что лапшу на уши вешать начнёт. Ничего подобного. Признался, что платят не хуже, чем профессорам, премии за победы дают. Но кому и сколько — замаял.

Зато, когда про договорные игры зашёл разговор, встал горой. Сплетни, мол, болтовня, всё по-честному, ребята костями за победу ложатся, а если не получилось, так на то она и игра, поле ровное, мяч круглый. Это на Западе, где большие деньги крутятся, там всякой грязи полно. А у нас тотализаторов нет, деньги маленькие, потому и корысти взяться неоткуда. Кого-то даже убедил.

Короче, зря поили.

Правда, перед тем как расходиться, намекнул, что сынишку в сборную могут взять. Может, и обещали парню, может, папаша прихвастнул — выпил всё-таки. Но лучше бы не заикался.

Потом ему эту сборную припомнили.

Первое любопытство утопили и перестали обращать внимание.

Сидит мужичок в ПТО, бумажки перекладывает. Дело, конечно, пустое, но и в пустом деле свои тонкости присутствуют. А человек в возрасте. Извилины гнутся со скрипом. Раз ошибся, два перепутал, три напортачил... Исправить, может быть, и нетрудно, а в народе раздражение. Особенно в женском. Им до его футбола, как до Марса. Впрочем, и до Маркса так же далеко. Да ещё и свой мужик вместо концерта Пугачёвой футбол включает. Как тут не поворчать?

От нудной работы и тараканы на полати ползут, а человеку, если здоровье не позволяет бюллетенить, спасение только в курилке. Сам пусть и не курящий, зато коллектив заинтересованный и благожелательный. Кто-нибудь обязательно спросит, как там сынишка, какие новости в команде мастеров.

Дотянул до весны. Сезон открылся. Ждали обозу, а дождались навозу. Папаша надеялся, наверно, что люди подобреют, интерес подогреется. А вышло наоборот. Надежды юношей питают, отраву старцам подают, так вроде в школе учили.

75

«Торпедо» по телеку не показали – объясняй почему.

Сын на скамейке просидел – опять выкручивайся, причины выдумывай.

По воротам не попал – хорошую атаку испортил.

Пас не дал – пожадничал.

Гол забил – с такой позиции любой колхозник не промажет.

Хоть в курилку не заходи. Так и в отделе покой не дают. Бухгалтерша с претензиями подошла, спрашивает, почему сынишка за собой не следит, знал же, что по телевизору показывать будут, а вышел на игру с немытыми волосами. Секретарша с издёвочкой заглянула – неприлично молодому человеку на виду у всей страны закрывать руками причинное место. Сборная проиграла, сразу припомнили хмельное хвастовство, и без ехидинки не обошлось: дескать, если бы вашего пригласили, совсем бы другая игра была.

Куда бы ни ткнулся, всюду офсайд. Года не продержался и уволился.

А мы, между прочим, не упустили случая похвастаться, что работали с ним в одной конторе. И год спустя, и два, и три.

БЮСТГАЛТЕР НА СЕВЕРНОМ ВЕТРУ

А что это я всё о мужиках? Среди женщин тоже весьма интересные особы встречаются. Я не о внешности. Красивая баба – это... Как бы вам сказать... Да, в принципе, и говорить нет смысла. И дело не в том, что внешность обманчива. На красивую надо смотреть. Хотя и на Викторию нашу заглядывались. За пазухой одно богатство, ниже талии – другое. Но талия меж этими богатствами тоже присутствовала. Жгучая брюнетка. Она утверждала, что в её жилах течёт четыре крови: русская, греческая, польская и еврейская, хотя многие принимали её за хакаску. Работала у химиков. Фильтры налаживала, котлы кислотой промывала, но это неинтересно, в химии нормальному человеку разбираться некогда, очень тёмная наука. Но спиртшко у неё водился. Особо хворых по утрам частенько выручала. И сама под настроение любого мужика могла перепить. Анатолий Степаныч звал её Виктёром. Мог запросто сказать: «Виктёр вчера в гости заходил, бутылку принёс, душевно поговорили», или прямо в лицо и при свидетелях: «Виктёр, а не сходить ли нам в пивнуху?» И она вроде как злилась, кричала, грозилась убить.

Потом прижимала его лысеющую голову к своей мощной груди и мурлыкала: «Убила бы, но люблю подлеца».

Мне кажется, она и вправду была влюблена в него. Хотя, если верить её рассказам, любовники у неё не переводились, и все непростые – от спортсменов до профессоров. С двумя даже в ЗАГС ходила. Но из наших орлов вроде ни с кем ничего, ни при каких... Даже Валера Клиндухов помалкивал.

Модницам в те годы несладко жилось. Не у каждой имелся блат в торговле и не всякая могла позволить себе слетать на барахолку в Одессу или в Находку. Виктория – дама общительная, какие-то знакомства у неё, конечно, были, но главное, что сама умела найти там, где другие ничего не находили. Послали её в Дудинку. Пришла в магазин. Видит цигейковые детские шапочки, крашенные под леопарда. Уцененные! Рубль штучка, два – кучка. Закупила на полторы сотни и целый месяц белыми полярными ночами порола эти шапки. Помощницу, молодую специалистку, подпрягла, доверила рукоделье от безделья. Не удивлюсь, если и местных лаборанток загрузила. Освободила шкурки от всего лишнего, упаковала в три ящика и отправилась домой с попутным танкером, чтобы на авиапочту не тратиться. А в городе нашла хорошего портного и заказала три шубы: одну – себе, другую – матери, а третью – продала. Мало того, что себя и матушку бесплатно приодела, так ещё и на ресторан хватило, чтобы обнову обмыть. А шуба роскошная получилась. Анатолий Степанович увидел и закричал от восторга: «Обалдеть можно! Виктёр, ты прямо как витязь в тигровой шкуре!»

А Виктория шубу распахнула, прижала его к себе, потом оттолкнула и говорит: «Нахамить даме особого ума не требуется, а полёт её фантазии оценить не каждому дано».

Она и в преферанс неплохо соображала, но играла очень шумно, с криками, оскорблениями и угрозами, поэтому, если ситуация позволяла, старались её не брать. Но она запросто могла выманить какого-нибудь игрочишку из-за стола, сунуть ему червонец, чтобы за вином сходил, а сама плюхнуться на его место.

Командировки у нас долго не совпадали. Но сколь верёвочка ни вейся... Угораздило! На одном объекте и в одной гостинице.

Приходим в столовую. Только винегрет доклевали, она выдёргивает из сумки пакет и бе-

жит к другому столу. Углядела, что люди поднялись и оставили недоодеденную котлету. Опрокинула тарелку вместе с остатками макарон в пакет и вернулась к нам, доедать свой обед. Я человек привычный и похлеще придурков видал, но начальник мой, тот, что наполовину немец, наполовину остяк, мужчина интеллигентный, сразу возмущился: как, мол, не стыдно объедки с чужих столов собирать, что люди о нас подумают?

Виктория нижнюю губу оттопырила, смерила моего шефа брезгливым взглядом.

— А мне плевать, — говорит, — пусть думают, что угодно, меня возле гостиницы два влюблённых пса дожидаются.

— В кого влюблённых? — не понял он.

— В меня! В кого же ещё можно влюбиться? — возмутилась она. — Пусть и бездомные, но всё равно приятно!

Подходим к гостинице. Собаки под окнами её номера лежат. Учюали кормёжку и навстречу кинулись, аж повизгивают от радости. И Виктория вся в блаженстве. На корточках присела, щёку для поцелуя подставляет. Они ею не надышатся, она на них не наглядится.

Я уже говорил, что главные удобства в северных гостиницах выставлены на свежий воздух. И бельишко постирнуть тоже негде. В длинной командировке без постирушек не обойтись, особенно женщине. Но на каждой приличной котельной имеется душ. Виктория потребовала у местного начальства новое ведро, якобы для анализов, и устроила себе банно-прачечный день. Вышла из душевой с полным ведром мокрого белья. Подозвала слесаря и велела натянуть проволоку в кабинете начальника. А тому куда деваться, если такая представительная дама приказывает? Добыл у электриков изолированный провод, пару дюбелей и сдал работу со знаком качества. Виктория пообещала ему налить мензурку неразбавленного и отпустила. Потом развесила бельишко, покурила и ушла к своим фильтрам просвещать лаборанток.

Жена начальника работала в отделе техники безопасности. Шла мимо по своим делам и решила заглянуть к муженьку. Без всякой задней мысли, просто время рабочее скоротать. Заходит и видит вражеские знамёна. Другая, может быть, и в обморок упала бы, но эта выносливой оказалась. Засаду решила устроить. Позвонила в контору, узнала, что планёрка закончилась,

значит, благоверный должен появиться с минуты на минуту. Сидит переживает. Поднимет голову, полюбуется чужими трусами и лифчиками, оценит внушительность размеров, сравнит со своими и копит ласковые слова.

Дождалась.

Вошёл муж. Увидел порнографическую живопись и остолбенел. А жене и не надо его оправданий. Сдернула с провода чужие трусы и по харе справа налево. Потом распахнула раму — и летите, голуби, летите, для вас нигде преграды нет.

Остальное выбрасывал уже он. Очистил служебный кабинет, схватил жену за руку и потащил к Виктории слушать объяснения.

А у той на его претензии десять своих. И личных, и производственных. Обеспечьте специалисту человеческие условия, переселите в люкс, который для партийного начальства прячет, наведите чистоту в котельной, выделите лаборантам отдельное помещение и так далее. А для того, чтобы сказанное лучше усваивалось, не скупясь, пересыпала доводы доходчивыми матерками. Жена послушала интеллигентную даму в белом халате и все подозрения забыла, прониклась сочувствием и сама пошла собирать разбросанное бельё.

Так бы всё и обошлось маленькими нервами, без особого скандала, если бы не северный ветер. Когда начальник выкидывал тряпочки, чёрный бюстгальтер подхватило воздушным потоком и бросило на трос растяжки, которая трубу держит. А заусенцы на таких тросах чуть ли не на каждом сантиметре. И повисла эта интимная принадлежность, как чёрный пиратский вымпел.

Высоко. Не допрыгнешь. Не сошьёшь.

Развевается, но не улетает.

День висит. Два висит. Народ посмеивается. Любознательные из других цехов на экскурсии приходят. Начальник мрачнее тучи. Жена боится, как бы в запой не сорвался. С работы выгнаны, а на руднике это чревато — могут даже и слесарем не взять.

Думала-думала и придумала. Купила ему бутылку и отправила к другу-охотнику, чтобы тот сшиб неприличную улику из ружья. Охотник водки выпил, задумался и отказался. Сомнения обуяли, как бы зарядом трос не перерубило. Рухнет труба, и самому стреляться впору. За диверсию такой срок накрутят, век свободы не увидишь. Рудник-то зеки начинали строить. Мало ли, что времена изменились, — ветер све-

жий, а страхи те же. Ими, как радиацией, и земля, и воздух пропитаны. Сам стрелять отказывается и ружьё не дает. Большому страхом всюду статья мерещится. Начальнику за второй бутылкой отправился. Ищешь одно, а находишь другое. В магазине его осенило. Баба перед ним соль брала. И вспомнил он, что сторожа вместо дробы солью патроны заряжают. На сдачу от водки взял пачку нейодированной соли, она покрупнее, и радостно побежал к охотнику. И убедил. Вскрыли два патрона, высыпали дробь, запыжили соль и отправились на ликвидацию. Охотник, пусть и выпивший, но управлялся одним выстрелом. От бюстгальтера только ключья полетели.

Но Виктория не удержалась, чтобы не напугать. Объяснила ему как дипломированный химик, что поваренная соль усиливает коррозию металла, поэтому выстрелом своим они заложили мину замедленного действия. Озадачила мужика на ближайшее будущее.

Но это ещё не всё. Если какая-то местность принялась шутить над человеком, она просто так не отпускает. По себе знаю.

В те годы вылететь летом с Севера было сложнее, чем с южного курорта. Продрогшее за долгую зиму население оголтело рвалось к дешёвым витаминам и тёплому солнышку. О билетах на самолёт надо было заботиться предварительно или искать блат. Шеф мой подпряг нужных людей. Его, конечно, помурыжили для порядка, но за день до отъезда позвонили и велели приходить с паспортами. По правилам хорошего тона в таких случаях положено выставить прозрачное человеческое спасибо. А шеф мой, как я уже говорил, наполовину немец, наполовину остяк. И, видимо, за долгую командировку немецкий полушарий подустал, а остяцкий на северном ветру возбудился. Не уследил мужик за собой. Перебрал. Доплёлся до гостиницы и рухнул. А у меня в тот день работы не было, и я договорился с местными мужиками в преферанс поиграть. Короче, бросили даму на растерзание сомнениям. Не подозревали, что и она волноваться способна. Несколько раз в номер прибежала. Сначала никого не было. Потом увидела шефа, спящего поверх одеяла. Нюх у неё тонкий, учуяла причину усталости. Растормошила и требует свой паспорт с билетом. Он спросонья сунул руку в задний карман брюк, а там – пусто. Пробормотал, что выронил, когда в сортир ходил, и снова мордой в подушку. Она ещё раз тря-

ханула его. Усадила на койку, попыталась допросить, а он глянул мутным взором, извинился и снова упал.

Возвращаюсь после игрищ. Довольный и расслабленный. Вижу, Виктория караулит на лавочке возле входа в гостиницу. Хватает меня за руку и тащит туда, где жирная буква «М».

– Смотри, – говорит, – он там!

Я не врубаюсь: кто, куда, зачем?.. Она объясняет ситуацию:

– Ни денег, ни паспортов, ни билетов, – говорит. – Были ценными специалистами, а превратились в бичей.

Я никак переключиться не могу, спрашиваю, что делать.

– Извлекать будем! – кричит. – Я уже ведро нашла, осталось только ручку приделать.

Ведро она спёрла с пожарного щита: красное, с коническим дном. Но чтобы соорудить черпак, нужны гвозди и молоток. Женщину это не заботит. Огляделся. Увидел забор. Отодрал штакетину, вытащил из неё гвозди. Выпрямил, как мог. Пока ведро к штакетине камнем приколачивал, пару раз по пальцам угодил. Маялся, калечился и всё напрасно. Сортирное очко оказалось уже моего агрегата. Но здесь, кроме себя, винить не кого. Мог бы и примерить, перед тем как городить. Пошли на помойку искать какую-нибудь замену. Виктории повезло быстрее. Нашла большую банку из-под селёдки. На колу мочало, начинай сначала. Реконструировал черпак. Тонкую жёсть пробивать проще. Даже дырки в днище сделал, чтобы жидкость стекала.

Ситуация, кстати, весьма распространённая, многие мужики пострадали. У меня самого бумажник пару раз из заднего кармана выпадал. Правда, не так глубоко и не в такую жижу.

Потерю удалось подцепить с первого раза, но счастье было недолгим. Предмет, который Виктория приняла за бумажник, оказался чужой записной книжкой. У дамы тушь с ресниц потекла, а мне пришлось вспомнить, что мой героический дедушка в трудные времена не брезговал профессией золотаря. Кстати, если бы ведро пролезло по габаритам, зачерпнуть им я всё равно бы не сумел. Сортир на вечной мерзлоте стоял, и утопить черпак можно было сантиметром на тридцать, а дальше – лёд. И ещё, чуть не забыл: чтобы мне приятнее дышалось, Виктория соорудила из платка нечто типа респиратора и смочила его духами.

78

А шеф мой тем временем проснулся, выглянул в окно, увидел возле сортира два привидения и всё вспомнил. Пропажа лежала под матрасом. Шеф обрадовался и, как порядочный человек, пошёл сказать нам, что поиски можно прекратить. Виктория увидела его с бумажником в руках, выхватила у меня черпак и ринулась в наступление. Бедолага наутёк. Метров двадцать гналась, и страшно подумать, во что бы его превратила, если бы не зацепилась черпаком за столб и не упала.

Даже я не сразу осмелился помочь ей подняться.

Подхожу, а она плачет.

Потом встала, выматерилась и повела меня к себе в номер. У неё там спиртишко в заначке был. Без него после таких переживаний нельзя. Выпили и расхотались.

– Иди, – говорит, – позови этого придурка, а то ещё сдохнет от угрызений совести. Да и опохмелить надо.

Отходчивая баба.

Сергей Кузнечихин и поэт Юрий Беликов (Пермь) у могилы М. Волошина в Крыму